

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ЛИЧНЫХ КОНСТРУКТОВ ПРИ АДДИКТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ

Д.Н. Долганов (Белово)

Аннотация. Обсуждаются некоторые аспекты, связанные с вариантами деформаций системы личных конструктов (СЛК), патологического изменения сознания и смысловой патологии при аддиктивном поведении, а также при различных аномалиях личности. Рассматривается вопрос актуальности исследования семантических особенностей аддиктивного поведения.

Ключевые слова: система личных конструктов, личный конструкт, деформация системы личных конструктов, смысловой конструкт, субъективная семантика, аддиктивное поведение, измененные состояния сознания, знак, значение, когнитивная сложность, поляризованная оценочная позиция.

Аддиктивное поведение часто рассматривается как форма девиантного поведения, которое в свою очередь понимается как поведение, отклоняющееся от условно принятых в обществе норм. Что же дает основание относить различные аддиктивные паттерны к числу девиаций? Любая форма аддиктивного поведения (химическая или нехимическая) характеризуется тем, что человек использует различные способы устранения психологического дискомфорта; эти способы по своему содержанию являются нетипичными и не одобряемыми в традиционном обществе. Иными словами, та деятельность, которую реализует аддикт, не подчинена моральным, культурным, этическим и другим нормам. Любая аддиктивная реализация – это наикратчайший путь к желаемому результату, устранению возникшего психического напряжения вопреки устоявшимся традициям.

В целом проблема определения девиантного поведения достаточно сложна. Это связано с тем, что отклонение от общепринятых норм может быть с различным знаком (плюс или минус). Гений в силу того, что реализует свои действия вопреки устоявшимся правилам, является типичным девиантом, но социальная значимость результатов его деятельности не дает нам основания относить его к лицам девиантного поведения. Таким образом, девиантное поведение человека можно обозначить как систему поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе нормам и проявляющиеся в виде несбалансированности психических процессов, неадаптивности, нарушении процесса самоактуализации или в виде уклонения от нравственного и эстетического контроля за собственным поведением [13].

На основании этого определения, мы можем рассматривать различные аддиктивные паттерны как формы отклоняющегося поведения, т.е., поведения, в ходе реализации которого происходит фиксация только на том удовольствии, которое получит человек как основной итог деятельности. При этом не важно, каким именно способом приходится достигать желаемого, что отражает снижение нравственного и морального контроля за собственным поведением; снижаются также адаптивность субъекта и приверженность к прежним ценностям.

Согласно уже устоявшемуся определению, аддиктивное поведение характеризуется стремлением к уходу от реальности посредством изменения сознания. Происходит формирование новой аддиктивной личности, которая имеет собственные мотивацию, интересы, направленность, ценностные ориентации, отличные от прежних. Однако в ходе аддиктивных реализаций фиксируются изменения не только на уровне личности, но и на уровне сознания, поскольку личностные особенности в определенной мере влияют на формирование сознания субъекта, предопределяя субъективное мировосприятие.

Таким образом, в ходе аддиктивных реализаций вслед за деформацией личности происходит перестройка сознания и восприятия окружающей действительности. Другими словами, аддиктивная личность формирует принципиально новый когнитивный образ мира, который, представляя собой определенную информацию о внешнем мире, отражает явления сознания. Но можно ли сказать, что измененные состояния сознания являются собой вариант деформации категориальной структуры сознания?

Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева [8, 9] упоминают о том, что человек в своей жизни может использовать разнообразные формы избавления от психологического дискомфорта, которые связаны и с изменением сознания, но, в отличие от аддиктивных способов, они не акцентируются и не выделяются из общего массива активностей.

Сходное понимание измененных состояний сознания находим у С.В. Дремова, И.Р. Семина. Они отмечают, что ИСС (измененные состояния сознания) можно рассматривать не только как негативный процесс. Благодаря изменениям сознания, осуществляются его основные функции: ориентировка и приспособление [5]. Таким образом, приспособление человека к изменяющимся условиям окружающей действительности сопровождается изменением сознания. При аддиктивном поведении изменение сознания происходит путем очень быстрой и не требующей духовных усилий модификации психоэмоционального состояния, способом моментального и краткосрочного разрушения персональной организации сознания и самосознания. Опасность такой «техноло-

гии» трансформации переживаний состоит в том, что более трудные, гуманизированные способы изменения сознания, образа «Я» становятся ненужными [5].

Для конструктивного изменения сознания характерно наличие ряда опосредующих элементов, а для аддиктивно-измененного сознания можно предположить отсутствие таких опосредований. Продолжая развивать эту мысль, можно предположить, что для аддиктов характерна более простая когнитивная организация, нежели для неаддиктов, сознание которых содержит ряд дополнительных элементов, играющих важную роль в опосредованном взаимодействии со средой.

Исходя из определения аддикции как стремления к изменению сознания, можно предположить, что в ходе аддиктивной реализации, связанной с изменением сознания, происходит изменение значений субъективного опыта. Но прежде чем ответить на вопросы о том, каким образом может идти трансформация систем конструкторов и насколько актуальна данная проблема для исследования, необходимо сказать о том, насколько обозначенные особенности изучены вообще.

Первым из понятий деформации СЛК (система личных конструкторов) необходимо охарактеризовать психопатологию системы конструкторов в теории Дж. Келли [7]. Психопатология, согласно Келли, – это хаотическая реакция человека в ответ на тревогу, неупорядоченное функционирование СЛК. Приведем случаи атипичного функционирования СЛК. Келли говорит, что только плохой ученый при очевидном провале своей теории до последнего пытается удерживать ее. Так и обычный человек в определенных ситуациях применяет 3 способа патологического удерживания системы конструкторов.

1. Попытки приложить конструкторы к новым событиям:

а) *проницаемость конструкторов* наблюдается, когда уже имеющаяся система конструкторов впитывает в себя практически любое новое содержание, т.е. чрезмерная гибкость, хаотичность и несистематичность системы ЛК;

б) *непроницаемость конструкторов* – отвержение любых нововведений, что приводит к снижению гибкости, адаптивности и развитию ригидности СЛК.

2. Патологическое использование конструкторов для прогнозирования:

а) *чрезмерная фиксированность конструкторов* наблюдается, когда человек дает однотипные прогнозы, несмотря на изменяющиеся обстоятельства;

б) *чрезмерная податливость* описывает ситуации, когда человек делает довольно сильно отличающиеся прогнозы с использованием одного и того же конструктора.

3. Патологические действия при безуспешных попытках сохранить организацию системы конструкторов:

а) *сжатие* подразумевает сужение системы ЛК, основная цель – свести к минимуму их несовместимость; зона и фокус применимости системы ЛК становятся весьма малыми;

б) *растягивание* – это попытка человека раздвинуть рамки системы ЛК и преобразовать ее таким образом, чтобы она стала более объемной.

Собственно, понятия, изложенные выше, и исчерпывают представление о психопатологии в трудах Дж. Келли.

Последователи теории личных конструкторов, в частности Д. Баннистер, проводили исследование особенностей СЛК при шизофрении и установили, что СЛК больных шизофренией достаточно широка, включает множество разнообразных конструкторов, но при всем этом не отражает наличия внутренних связей, т.е. система конструкторов непоследовательна и хаотична [16].

Из отечественных исследований СЛК при аномальных состояниях личности, можно выделить работу Л.В. Власенко [2]. В данном исследовании установлена взаимосвязь некоторых особенностей СЛК и эффективности психотерапевтического воздействия. Автор определил, что, во-первых, чем проще когнитивная система химически зависимого (опийная наркомания), чем более она (СЛК) одномерна (допускается наличие не более двух факторов в системе), тем более благоприятен прогноз эффективности психотерапии таких лиц; во-вторых, высокая когнитивная дифференцированность, многофакторность системы являются, наоборот, неблагоприятным признаком для прогноза эффективности психотерапии.

Однако все вышесказанное не определяет специфику функционирования СЛК при аддикциях. Возникают вопросы относительно того, насколько сохранна система личных конструкторов, какие элементы преобладают в когнитивной структуре индивида, существуют ли отличия в системах конструкторов химически зависимых и «независимых» субъектов.

Д.А. Леонтьев дает описание патологии смысловой регуляции при алкоголизме: «Главным содержанием мотивационной перестройки становится превращение алкоголя в ведущий смыслообразующий мотив поведения, в то время как другие мотивы постепенно утрачивают свою побудительную и смыслообразующую силу» [11. С. 318]. Однако, как видим, патология рассматривается в форме перестройки мотивационного и смыслообразующего аспектов личности, что не совсем совпадает с нашими взглядами. Понятие «смысловой конструктор» рассматривается в работе Д.А. Леонтьева как структурный компонент смысловой сферы. Одной из форм проявления смыслового конструктора является смысловая установка. Апеллируя к данным исследования К.Г. Сурнова, Д.А. Леонтьев описывает систему смысловых установок больных алкоголизмом [10]:

- 1) установка к воображаемому удовлетворению потребности;
- 2) установка к пассивным способам защиты от трудностей;
- 3) установка к быстрому удовлетворению потребности при нежелании затрачивать необходимые усилия;
- 4) установка к непринятию на себя ответственности за совершаемые поступки;
- 5) установка к предпочтению эгоцентрических мотиваций;
- 6) установка к малой опосредованности деятельности;
- 7) установка довольствоваться временным и не вполне адекватным потребности результатом деятельности.

Описанием системы установок и исчерпывается описание патологии смысловой регуляции при алкоголизме.

В работах Е.Ю. Артемьевой находим понятие «субъективная семантика» и соответственно варианты патологических изменений. Данные, приведенные Е.Ю. Артемьевой, получены в процессе исследования лиц с клиническими нарушениями: депрессия, психические заболевания (шизофрения), локальные поражения мозга. Основные выводы заключаются в следующем [1].

1. Наряду с негативацией тона семантического отношения к объектам мира имеет место эффект семантико-перцептивной защиты, который заключается в дереализации представленных объектов; наблюдается также изменение семантических оценок – их эгоцентризация, что является следствием обеднения мотивации.

2. Семантическое проявление дефекта при психических заболеваниях – это снижение глубины семантизации. Смысловая патология связана не только с нарушением смыслообразования, но и с нарушениями в слое субъективного опыта «перцептивный мир».

3. В процессе исследования семантических особенностей при локальных нарушениях мозга определена и в достаточной степени аргументирована первичность семантического кода как квалификатора объектов.

В ходе анализа нами было выявлено следующее.

1. Типы деформаций, описываемые в рамках теории личных конструктов, включают в себя изменение функциональных особенностей системы конструктов (степень гибкости, фиксированности, степени и зоны применения), а также особенности системы личных конструктов у больных шизофренией, проявляющиеся в виде наличия противоречивой, непоследовательной системы личных конструктов. Помимо этого, определена связь между когнитивной сложностью субъекта и эффективностью психотерапевтического воздействия у больных опийной наркоманией.

2. Смысловой конструкт есть структурный компонент смыслообразующей сферы, который может проявляться в виде смысловой установки. Для пато-

логии смысловой регуляции при алкоголизме характерен ряд специфических установок.

3. Нарушения в сфере субъективной семантики сводятся к ряду характеристик (негативация тона отношения, эгоцентризация оценок, снижение глубины семантизации, появление эффекта семантико-перцептивной защиты).

Как видим, в области исследования деформаций СЛК и субъективной семантики накоплен достаточный эмпирический и методический опыт, хотя и он не вполне описывает вариативность деформации систем личных конструктов при аддикциях. Данное положение вещей открывает определенные перспективы для исследования семантических особенностей при аддиктивном поведении.

В своем исследовании мы исходим из следующего допущения: система личных конструктов при аддиктивном поведении, возможно, имеет определенные особенности и отличается по структурной организации от систем личных конструктов неаддиктов.

Предполагается, что в ходе аддиктивной реализации происходит трансформация системы значений, отношений к объективной реальности, т.е. формирование новой картины мира, что находит отражение в формировании специфической системы личных конструктов.

Система личных конструктов представляет собой систему значений, т.е. совокупность некоторых признаков, на основании которых происходит восприятие и осмысление объектов окружающей действительности. Поскольку значение есть всегда сторона знаковых систем, посредством которых происходит восприятие мира, бессмысленно говорить о значениях вне контекста знака.

Ф. Де Соссюр говорит о языке как системе знаков [19]. Языковой знак отражает не название вещи, а понятие о ней. Одной из характеристик знака является его произвольность. Означающее с означаемым не имеют жесткой связи, т.к. понятие, отраженное в определенном знаке, не зависит от фактической структуры и последовательности звуков, совокупность которых являет слово. Одно и то же слово может отражать различные понятия. Другой характеристикой знака является линейный характер означающего, протяженность во времени и линейность структуры слова.

В представлениях Л.С. Выготского [3] язык тесно связан с мышлением. Значение выступает в качестве неразложимой единицы речевого мышления, где обобщающая функция значения проявляется в том, что слово относится не к единственному предмету, но к классу предметов. Обобщение как акт мысли отражает действительность иначе, чем она представлена в ощущениях и восприятиях, т.е. значение относится в равной мере как к речи, так и к мышлению. Слово, знак являются внешней стороной речи, потому собственно знак может быть ассоциирован с любым со-

держанием. Таким образом, значение – это то, что оживляет звук, придает ему осмысленность. Другими словами, слово есть внешнее проявление; внутреннее содержание представлено в сознании в форме значения.

Значение языка заключается в том, что он позволяет дифференцироваться от внешнего мира, создает дополнительный план отражения [18]. А.Р. Лурия говорил, что слово позволяет удваивать мир. Каждый субъект формирует специфическую систему значений, следовательно, миры будут получаться разными [12]. М.М. Бахтин дает представление о формировании сознания в знаковом материале, т.е. сознание немислимо вне контекста знака и значения [18].

По сути знаки «наиндивидуальны», индивид не формирует их, а усваивает в ходе своего развития. Только после интериоризации знаковых систем знаки становятся содержанием сознания [18]. Но сам по себе знак, не имеющий значения, малоинформативен. Значения, как отмечает В.Ф. Петренко, общественны по своей природе, но могут существовать лишь в сознании отдельных индивидов [14], значения существуют в языке, который является только его носителем. Общественная природа значения проявляется в том, что поскольку оно фиксирует свойства объекта, «...существенные с точки зрения общественной практики, его можно рассматривать как превращенную форму деятельности» [14. С. 17]. Следовательно, мы можем понимать формирование системы значений как отражение деятельности субъекта. Коль скоро это так, то можно сказать, что деятельность субъекта и ее разнообразие предопределяют сформированность и специфичность системы значений субъекта. Для аддикта будет свойственна специфическая система значений, отражающая характер его деятельности, аддиктивные реализации; а для неаддикта, вовлеченного в большее число разнообразных деятельностей, будет характерна иная система значений. И именно в этом смысле мы полагаем, что происходит трансформация системы значений при аддиктивном поведении. И, таким образом, система значений, представленная в семантическом слое индивидуального сознания, отражает отношение и частично смыслы данного поведения.

Предполагается, что в ходе реализации аддиктивного поведения происходит изменение когнитивной сложности. В широком смысле когнитивная сложность понимается как наличие достаточно большого количества независимых конструкторов, в результате чего существуют большие возможности для интерпретации событий, адаптации и саморазвития [20]. В контексте семантического пространства когнитивная сложность понимается как размерность, представленная в определенном количестве факторов.

Однако, как показал в своих исследованиях Д. Баннистер, большое количество факторов отра-

жает не только когнитивную сложность субъекта, но и диффузность системы конструкторов. В частности, высокая размерность наблюдается при шизофрении, что является следствием разорванности мышления, противоречивости и несогласованности системы конструкторов. В этой связи вместо понятия «когнитивная сложность» было предложено понятие «артикулированность системы конструкторов» – соподчиненность, определенная иерархия, придающая стройность, связанность и одновременно гибкость и устойчивость данной системе [20].

На примере работы Л.В. Власенко мы показали, что не для всех аддиктов характерно когнитивное упрощение, однако когнитивная сложность понимается здесь как наличие определенного количества факторов в семантическом пространстве, что не может в полной мере дать представление о данном феномене.

На наш взгляд, когнитивное упрощение может пониматься как результат исключения из сферы значимости субъекта определенных видов деятельности, в результате чего конструкторы, ранее использующиеся, потеряли свою актуальность и были утрачены. Хотя это, думается, не условие утраты связей и соподчиненности оставшихся конструкторов. Нельзя полностью принимать тот факт, что когнитивное упрощение является специфической чертой, приобретаемой в ходе аддиктивного поведения. В.Ф. Петренко по данному поводу говорит: «Когнитивная сложность не является интегральным показателем развития сознания» [14. С. 103]. Поскольку сознание человека гетерономно, то человек может иметь в одних сферах более высокую когнитивную сложность, а в других более низкую. Включение понятия когнитивной сложности в данное исследование, возможно, даст ответ, в каких содержательных сферах люди, реализующие аддиктивное поведение, имеют более низкую когнитивную сложность, и это, думается, поможет объяснить особенности трансформации системы личных конструкторов.

Предположим, что системы личных конструкторов могут иметь специфические особенности на содержательном уровне. Здесь мы исходим из понимания того, что все конструкторы данного конкретного субъекта можно соотнести с разными содержательными сферами, т.е. для каждого индивида характерно преобладание определенных конструкторов. В ходе анализа систем конструкторов при аддиктивном поведении мы опираемся на классификацию, предложенную С.С. Смагиной [17]:

– конструкторы «личностные черты» дают представление об особенностях восприятия другого человека «...как эмпирическое обобщение (житейского, вне научного) сознания» [17. С. 168];

– «стилевые» конструкторы, используя которые субъект описывает разнообразные аффективные, поведенческие и физические аспекты другого человека;

– социально-ролевые конструкторы, описывающие восприятие других в контексте ролевых и социальных позиций;

– конструкторы отношения дают представление об отношениях, поведенческих склонностях, предпочтениях и пристрастиях;

– аффилиативные конструкторы тождественны конструкторам восприятия общности и групповой принадлежности, в состав которых включены конструкторы любви, отражающие в большей степени чувственный компонент отношений, нежели специфику сексуальных отношений;

– экзистенциальные конструкторы, дающие представление об отношении к наполненности и осмысленности бытия;

– профессиональные конструкторы как конструкторы восприятия в поле профессиональной деятельности и отношений к данной сфере жизнедеятельности субъекта в целом;

– аддитивные конструкторы, дающие представление об отношении к разнообразным проявлениям аддитивного поведения;

– конструкторы «внешности», описывающие особенности внешнего облика в процессе восприятия;

– конструкторы «интересов», отражающие восприятие сферы деятельности, связанной с разнообразными увлечениями и хобби;

– «уникальные» конструкторы, дающие представление об индивидуальной сообразительности и оригинальности восприятия;

– «неудачные» конструкторы, имеющие достаточно большой и неограниченный диапазон пригодности, т.е. имеющие возможность переноситься и быть примененными к разнообразным элементам, что в меньшей степени отражает индивидуальные особенности восприятия.

Таким образом, соотнеся полученные конструкторы с приведенной классификацией, мы сможем проследить содержательные особенности систем личных конструкторов при аддитивном поведении. Полагая, что особенности содержательной стороны систем конструкторов отражают вовлеченность субъекта в разнообразные сферы деятельности. При наличии многообразия сфер деятельности субъект имеет возможность формировать множество значений; следовательно, его дальнейшее восприятие социальных объектов и ситуаций будет более многогранным.

При устоявшемся аддитивном поведении у субъекта меньше возможностей для формирования системы значений и, следовательно, меньшая вариативность восприятия социальных явлений. На наш взгляд, это может выражаться в преобладании какого-либо типа конструкторов. Однако приведенная выше классификация адаптирована к системе конструкторов в сфере межличностного восприятия, что ограничивает возможность ее приложения к иным

подсистемам, в меньшей степени связанным с межличностными отношениями. Этого можно избежать, если адаптировать приведенную классификацию.

Предполагается, что в ходе формирования аддитивного поведения происходит поляризация оценочной позиции субъекта, представление о которой как универсальной причине психологических проблем дано в [6]. Данное представление строится на следующих основных положениях. Во-первых, С.А. Капустин жизнь человека рассматривает как противоречивую по своей природе, что проявляется в существовании одновременно присутствующих и противопоставленных целевых заданностей, реализация одной из которых препятствует реализации другой. Такое положение вещей является нормальной для человека, неотъемлемой характеристикой его существования.

Во-вторых, сама по себе противоречивая целевая заданность не выступает источником проблем, поскольку этот фактор объективен. В качестве универсальной причины возникновения психологических проблем выступает поляризованная оценочная позиция субъекта в отношении целевой направленности собственной жизни. Игнорируя неизбежность противоречивости, человек возводит в ранг значимых одни требования жизни, обесценивая другие, «...он занимает конфронтационную оценочную позицию по отношению к сущностной природе жизни и сознательно противостоит ей» [6. С. 8].

В-третьих, формирование оценочной позиции заключается в том, что она не вырабатывается самим человеком, а является навязанной извне.

В определенной степени обозначенные понятия можно перевести на язык психосемантики. Мы полагаем, что поляризованная оценочная позиция представляет собой специфическое положение конструкторов в структуре индивидуального сознания. Учитывая особенности формирования системы значений, дифференцированность или монолитность системы конструкторов, содержание системы конструкторов, можно сказать, что поляризация конструкторов есть выражение монолитности или ригидности системы конструкторов, а также специфической содержательной наполненности, что препятствует полноценному осознанию подлинности бытия и делает невозможным «...свободное самоопределение человека в жизни» [6. С. 9]. Принимая во внимание навязанность данной оценочной позиции, можно сказать, что определенные специфические особенности системы конструкторов имеют место быть при несформированном аддитивном поведении; т.е. будучи заложенной ранее, поляризованная оценочная позиция может рассматриваться как фон, predisposing к формированию аддитивного поведения. А в ходе его реализации данные особенности приобрели наиболее отчетливую форму, что в определенной мере способствует дальнейшему развитию и закреплению аддитивного поведения.

Литература

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М., 1999. 350 с.
2. Власенко Л.В. Некоторые результаты теста Келли и эффективность психотерапии у больных опийной наркоманией. <http://psycho.chat.ru>
3. Выготский Л.С. Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с.
4. Дмитриева Н.В., Четвериков Д.В. Психология аддиктивного поведения. Новосибирск, 2002. 278 с.
5. Дремов С.В., Семин И.Р. Измененные состояния сознания: психологическая и философская проблема в психиатрии. <http://www.hpsy.ru>
6. Капустин С.А. Поляризованная оценочная позиция как универсальная причина проблем клиентов психологической консультации // Вестник Мос. ун-та. Сер. 14, Психология. 1994. № 1. С. 7–18.
7. Келли Дж.А. Теория личности: Психология личностных конструктов. СПб., 2000. 249 с.
8. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психосоциальная аддиктология. Новосибирск: Олдсиб, 2001. 251 с.
9. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Факторы, способствующие развитию химических аддикций // Психологические и социокультурные аспекты профилактики нарко-алкогольной зависимости: Сборник научных трудов. Кемерово, 2002. С. 88–97.
10. Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, знак, личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.
11. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999. 486 с.
12. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1998. 335 с.
13. Менделевич В.Д. Поведенческие расстройства или девиации поведения? <http://www.nedug.ru/lib/lit/psych/01oct/psych45/psych.htm>
14. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 1997. 340 с.
15. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. Смоленск: Изд-во Смолен. ун-та, 1997. 213 с.
16. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. М., 2000. 606 с.
17. Смагина С.С. Семантические особенности ментального конструирования межличностных отношений студентов // Сибирская психология сегодня: Сборник научных трудов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. С. 167–173.
18. Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2002. 263 с.
19. Фердинанд Де Соссюр. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
20. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с.

TO A QUESTION ON PROSPECTS OF STUDYING OF SYSTEM PERSONAL CONSTRUCT AT ADDICTIVE BEHAVIOUR
D.N. Dolganov (Belovo)

Summary. In article some aspects connected to variants of deformations of system personal construct (SPC), variants of pathological change of consciousness and a semantic pathology are discussed at addictive behaviour, and as at various anomalies of the person. The question of a urgency of research of semantic features addictive behaviour is considered.

Key words: system personal construct, personal construct, deformation of system personal construct, semantic construct, subjective semantics, addictive the behaviour, the changed conditions of consciousness, a mark, value, cognitive complexity, the polarized estimated position.